

Вас люблю

Лучший режиссер, но не лучший муж

Я познакомилась с Джульеттой Мазиной в 1943 году — тогда она получила роль Поллины в воскресном радиосериале «Чико и Поллина», который писал я. Голос Джульетты я услышал прежде, чем увидел ее.

Я позвонил ей и пригласил на обед. Выбрал хороший ресторан — очень модный в то время. Я и помыслить не мог, чтобы пригласить ее в менее престижное место. То был акт уважения. Позже я узнал, что тетя Джульетты, с которой она жила в Риме, не хотела, чтобы племянница встречалась с незнакомым человеком, даже несмотря на то, что он автор сериала, в котором она играет. Однако, услышав название выбранного для встречи ресторана, тетя смягчилась.

Уж не знаю, что подумала тетя Джульетты, когда мы, повстречавшись всего несколько месяцев, поженились. Когда вы женитесь в двадцатилетнем возрасте, вы взрослеете вместе — хотя Джульетта на протяжении нашей совместной жизни не раз говорила мне, что я совсем не повзрослел.

Я всегда испытываю некоторое затруднение, когда приходится говорить о Джульетте как об актрисе: мне трудно оценить ее мастерство в отрыве от ее личности. Наши жизни переплелись очень давно, и все же, говоря с журналистами, я понимаю, что, попытавшись перевести в слова то, какую именно роль она сыграла в моем творчестве, я скажу им нечто такое, чего никогда не говорил ей самой.

Ни у одного из нас не было большого жизненного опыта. У меня его было немного больше. Джульетту очень опекали дома. Она была такой маленькой и нуждалась в моей заботе. Она была невинной, доверчивой, нежной, очень хорошей. Я руководил ею. Она смотрела на меня снизу вверх во всем — не только в сексе. Я влюбился в собственное отражение в ее глазах. Ее любимая фотография, на которой мы сняты вместе, — та, где мы обнимаемся и я возвышаюсь над нею.

Хотя я не стремился к раннему браку, однако ни разу не пожалел, что женился на Джульетте. Я не такой уж хороший друг. Не такой уж хороший муж. Возможно, я ее лучший режиссер, но не лучший муж.

Новые радости и первое горе

В начале наших отношений с Джульеттой я испытал новые радости и первое большое горе.

Когда меня спрашивают, есть ли у меня дети, я всегда отвечаю кратко и быстро: «Нет. Мои картины — вот мои дети». Так я отделеваюсь от дальнейших расспросов и закрываю тему, которую я не люблю обсуждать. Даже теперь, когда прошло много лет, такие разговоры ранят, вызывая в памяти то тяжелое время.

Мы поженились 30 октября 1943 года. На извещении о браке сочетания, которое я нарисовал для Джульетты, наш будущий младенец спускается к нам с небес.

Черемона происходила на квартире тетки. Нам повезло, что в доме жил священник, который и совершил брак. На нем присутствовали только несколько родственников и близкие друзья. Наши родители, жившие в других городах, ничего не знали — телефоны работали тогда из рук вон плохо. Из-за войны трудно было связаться с кем-то, не жившим в Риме.

Наш друг Альберто Сорди не мог присутствовать на церемонии, потому что играл спектакль в театре неподалеку, и мы сами после венчания направились к нему. Мы вошли в зал, когда он находился на сцене. Увидев нас, он прибавил свет и объявил публике: «Мой дорогой друг только что женился. Не сомневайтесь, в будущем ему не раз будут устраивать овации, но давайте начнем прямо сегодня». Луч светил нас с Джульеттой. Мне никогда не удавалось вовремя спрячется.

Джульетта забеременела раньше, чем мне того хотелось, но она была на седьмом небе, и поэтому я тоже радовался. А потом случился ужасная вещь. Джульетта упала с лестницы и потеряла ребенка. Она не хотела знать, кто он — мальчик или девочка. Может, боюсь, что тогда он станет для нее еще реальней? Мне сказали, что был мальчик. Мы хотели назвать его Федерико. Джульетта очень переживала из-за выкидыша, но она всегда была стойкой. И она была так молода. Не помню, чтобы мы сознательно это планировали, но Джульетта опять забеременела. Мы не думали о войне, хотя положение на фронте было все хуже,

или о том, как я буду добывать деньги для нас троих. Мы думали только о нашем малыше. Мы с Джульеттой верили, что хорошо знаем друг друга. Думаю, так и было. Тогда мы знали друг друга лучше, чем двадцать лет спустя. В воюющей Италии мы по-прежнему оставались почти детьми.

Родился мальчик. Мы назвали его Федерико. Наш сын прожил только две недели. Джульетте сказали, что она не сможет больше иметь детей. Наш сын оставался с нами достаточно долго для того, чтобы мы узнали его и поверили в его существование. От этого Джульетте было еще тяжелее: она всегда мечтала быть матерью. Трудно представить, что она испытала, когда ей сказали, что теперь это невозможно.

Ушедший ребенок связал нас в каком-то смысле крепче, чем сделали бы это живые дети. Мы старались не говорить о нашей потере. Было слишком больно. Но его присутствие, или, точнее, его отсутствие мы постоянно ощущали. Мы не говорили об этом, потому что тогда было бы еще тяжелее. Общая трагедия, особенно пережитая в молодости, устанавливает между людьми прочную связь. Если бездетная пара не распадается, это означает, что связь действительно прочна. У супругов есть только они сами.

Я всегда уклонялся от разговоров о мальшке Федерико и о другом, нерожденном ребенке, чтобы не слышать, как люди говорят: «Мне очень жаль». А что еще могут они сказать? Соучастие тягостно. Оно заставляет тебя вновь переживать боль. Но не скажешь ведь жалующим тебя людям: «Замолчите!»

Когда меня спрашивают, счастлива ли жизнь я прожил, я всегда отвечаю: «Я прожил полную жизнь». Счастье не может длиться вечно. Его не ухватишь за хвост. Напротив, чем сильнее пытаешься его удержать, тем скорее оно улетает.

У «полной» жизни тоже есть свои печали. Не знаю, чему бы я научил своего сына, останься он в живых. Но не сомневаюсь, что многому научился бы у него сам.

Я сказал бы ему: «Погрузись в жизнь и оставайся всегда открыт для нее. Сохрани на все время путешествия, которое зовется жизнью, детский энтузиазм, и тогда тебя ждет удача».

Сейчас, оглядываясь на наше с Джульеттой прошлое, я со странном чувством понимаю, что большая часть нашей жизни осталась позади, а не лежит в будущем. Я знаю, для нас обоих очень важно, что все случившееся нашло выражение в нашей работе, так что, в конце концов, мой ответ правдив: наши фильмы, особенно те, что мы делали вместе, — это наши дети.

Прости нас, Джельсомина

Даже в те времена, когда в Риме стало совершаться много преступлений, я продолжал всюду чувствовать себя в безопасности: ведь люди всегда с таким теплом приветствовали меня на улицах и в кафе. Когда я гулял по ночным улицам Рима, они казались мне (весь город казался) всего лишь продолжением моего жилища. А затем в начале восьмидесятых все изменилось.

Однажды Джульетта отправилась к ювелиру починить свои кольца и мои лучшие запонки. Мы спустились с ней по виа Марутта; Джульетта все время болтала со своим обычным бесхитрым воодушевлением, глядявая на меня снизу вверх, и тут мимо нас промчался мотоцикл «Ламбретта». На нем сидели двое парней, и один из них, подпрыгнув вперед, сорвал сумочку с плеча Джульетты. Через мгновение они уже неслись дальше.

Джульетта вскрикнула, а я бросился впопыхах за мотоциклом и, наверное, в тот момент был похож на хенгуру. Я, который больше всего на свете ненавидит привлекать к себе внимание, орал на всю улицу: «Держите вора!»

Назавтра мы чувствовали себя не в своей тарелке — одаурченными и оскорбленными, и вспоминали Кабрию, у которой в фильме дважды отнимали сумку.

Возвращаясь на следующий день домой, я заметил у подъезда какого-то типа — такие встречаются в фильмах Антониони; прислонившись к стене, он делал вид, что читает газету, но я обратил внимание, что держит он ее вверх ногами. Я насторожился.

— Федерико, — произнес он так, словно мы давно знакомы. — Я слышал, у Джульетты пропала сумка. — Вы хотите вернуть ее? Я сказал, что хотим.

Федерико и Джульетта

Последняя исповедь Феллини

С Федерико Феллини Шарлотта Чандлер познакомилась весной 80-го. А последний раз они встречались в 93-м, осенью, за несколько недель до его смерти.

«Я бы хотел, чтобы вы взяли у меня небольшое интервью, но его не надо тщательно планировать и обдумывать, — сказал Феллини в начале их отношений.

— Короткие беседы самые интересные: они выходят хорошими, когда вступаешь в них внезапно. Мне кажется, в путешествии по имени Жизнь надо отправляться честно и открыто».

А в последние дни жизни Феллини признался: «У меня только одна жизнь, и я рассказал ее тебе. Это моя последняя исповедь, потому что больше мне нечего сказать».

14 лет разговоров журналистки и великого режиссера вылились в книгу «Я вспоминаю...», полностью она выходит в издательстве «Вагриус». Мы представляем лишь одну из многочисленных линий режиссерской судьбы — его отношения с Джульеттой Мазиной.

«Печтается в сокращении»

— Тогда дайте мне номер вашего телефона.

Наш адрес, можно сказать, знал весь Рим. Но номер телефона мы почти никому не давали. Когда у меня его просили, я говорил: «У нас меняют номер», или просто: «У нас нет телефона». Я задумался.

Но мне очень хотелось, чтобы Джульетта вернула сумку. Кроме того, сама ситуация была интересной!

И я дал номер телефона.

На следующий день нам позвонили. Мужской голос спросил Джульетту. Она взяла трубку. Незнакомец сказал ей, что один парень принес сверток в бар в Трастевере и попросил передать ей, что этот сверток для нее.

Я поехал в озабоченный бар, и там бармен вручил мне сумку Джульетты. Я предложил ему денег, но он отказался.

А на следующий день Джульетта получила письмо. Сюжет, достойный Диккенса. В конверте лежала короткая записка: «Прости нас, Джельсомина».

Когда снимались «Ночи Кабриии»

Я много работал с Джульеттой — и на съемочной площадке, и дома. Однажды она, не выдержав, спросила меня: «Почему ты так требователен ко мне? А остальными доволен».

Я этого не чувствовал, но, думаю, она была права. Дело в том, что я начал с ее героини: именно на этом характере держался весь фильм, и я представлял его лучше всех остальных. В те дни она была очень послушна, соглашалась со всем, что я говорил, и смотрела на меня снизу вверх. На съемках «Джульетты и духов» все было иначе.

На съемочной площадке я видел со стороны Джульетты все то же доброжелательное принятие всех моих предложений. Но, возвращаясь вечером домой, она выговаривала мне все, что накопилось у нее за день. Ее не устраивало в характере Джульетты из фильма, а я от ее критики становился еще упрямее, защищая свое создание.

Джульетта из фильма — итальянская женщина, которая в силу религиозного воспитания и того, что ей внушали с детства об институте брака, считает, что замужество — гарантия счастья. И каждый раз, убеждаясь в противном, не может ни понять этого, ни принять. Она предпочитает ускользнуть от правды в мир воспоминаний и грез. Такая женщина, когда от нее уходит муж, остается ни с чем: теперь спутник ее жизни — телевизор.

Я считал (и сейчас до какой-то степени считаю), что, когда от Джульетты уходит муж, перед ней открывается масса возможностей. Она свободна и может обрести свой путь. Теперь она может утверждать не только в своем внутреннем мире, но и в самой действительности.

Джульетта была другого мнения. «Ну что она может теперь изменить?» — сказала она. — Слишком поздно. Поезд ушел. У женщин это иначе, чем у мужчин». По мнению Джульетты, ее героиня находилась не на пути обретения личности, а на пути полной потери себя. Она утверждала, что я навязываю женскому характеру не свойственные

ему мужские мысли, оценки, идеи и идеалы. Когда же работа закончилась, фильм вышел на экраны и не имел никакого успеха, она ничего не сказала вроде: «Говорила же я тебе...»

Ангел-хранитель

Всю жизнь я ощущал присутствие некоего ангелоподобного существа, которое, казалось, грозило мне пальцем. Я знал, что это ангел из моего детства. Этот ангел-хранитель был всегда неподалеку. Я могу представить его себе только в женском облике. Ангел никогда не был мною доволен, как и все остальные женщины в моей жизни. Часто «она» приближалась так близко, что я мог видеть, как мне грозит пальчиком: я не соответствовал ее идеалам, но я никогда не мог хорошенько рассмотреть ее лицо...

Я могу иногда обратиться к одной из женщин на съемочной площадке: «Ты занималась любовью этой ночью?» Смутившись, она обычно отвечает «нет», хотя, возможно, это и не так. А я говорю

что-нибудь вроде того: «Значит, то была ночь, потраченная впустую». Если кто-то после этого отвечает «да», я могу спросить: «Ну и как, оргазм был хорош?»

Женщины обычно запалают на Марчелло. «Ну и счастливычик ты», — сказал я ему.

А он ответил: «Они бросаются на тебя, но ты их не ловишь. Ты просто их не видишь, и они падают у твоих ног».

Я всегда побаивался женщин. Говорят, я часто принимаю их в своих фильмах. Совсем напротив. Я возношу их, как богинь, на пьедестал, откуда они сами иногда падают. Моё отношение закономерно: я по-прежнему смотрю на женщин глазами подростка, только что достигшего половой зрелости. Кто-то написал, что я вижу их «глазами юноши». Неправда. Полностью не согласен. В своем понимании женщин и в отношениях с ними я так и остался в подростковом возрасте. Я отношусь к ним восторженно.

Мужчина часто наделяет женщину почти божественными качествами: ведь если он этого не делает, то неустойчива погоня за ней превратит его в дурака даже в собственных глазах. Женщины бесконечно сложнее мужчин, и секс для них вещь намного более сложная. Я постоянно показываю, как просто мужчины. И те никогда не обижаются на меня за это. Женщины гораздо чувствительнее. Они часто обижаются на то, как предстают в моих фильмах.

но нам практически так и не удалось познакомиться. Я старался ничем не выдавать своего присутствия. Со стороны Брайана Форбса, снимавшего фильм, и так было верхом любезности допустить меня в святая святых, и я вовсе не хотел давать ему повод подумать, что появился исключительно ради того, чтобы поддержать Джульетту. В этом не было необходимости.

Итак, она сналась в имевшем незаурядный успех телесериале, регулярно писала свою колонку в газету, работала для ЮНИСЕФ. У Джульетты — особый дар соперничества с теми, кому не чужды проблемы семьи, кто может нуждаться в материальной помощи, и с детьми — быть может, потому, что нам на долю не выпало обзавестись своими.

У меня не было потребности закладывать фундамент будущего благополучия. Потому ли, что я так верил в будущее, или потому, что я в него не верил. Я вообще не думал о деньгах, если, разумеется, не считая макрорепликан — тех денег, что нужны были, чтобы снимать фильмы.

Я не люблю ничего собирать. Как-то мне довелось услышать историю одного аргентинского гаучо: он ел с ножа, боясь, что однажды воспользовавшись вилкой, захочет присоскаться к ней тарелку, а затем стол, стул, чтобы сидеть за столом, и, наконец, дом, чтобы все это хранить.

Меня преследует навязчивое ощущение: я вдалеке вещами, а они владеют мной. Вся моя жизнь я пытался бороться с закрепощением человека вещами. Думаю, в этой-то мере эта моя тревога перенеслась и на людей: я инстинктивно боролся с искусением окануться в слишком сильной эмоциональной зависимости от кого-то другого и воспринимал ее как опасность.

Сценарий здесь как бессиле

Мы женаты с Джульеттой почти пятьдесят лет, но я никогда не чувствовал, что вполне ее знаю. Думаю, понимаю ее как актрису, как партнера по работе. Тут я могу предсказать, что она подумает или сделает. Я могу понять каждую ее гримаску, недовольное выражение или приступ раздражения. Я могу направлять ее игру — хорошо это или плохо. Если я считаю, что так будет лучше для снимаемого фильма, то сумею сломить любое ее сопротивление. Или еще лучше: я могу как писатель и режиссер получить от нее нечто ценное как от актрисы и добавить это к придуманному мною характеру. Джульетта считает, что я это делаю ради ее удовольствия или чтобы смягчить ее гнев. Нет, я делаю это, только когда она права, что бывает довольно часто, хотя и не всегда. Она отличный профессионал, и, более того, у нее необычайно развитая интуиция. Джульетта может позволить себе давать выход эмоциям, и, если материал глумится из затронут, источник, бьющий из недр ее души, никого не оставит равнодушным. То, что она делает, в сценарии не предусматривается.

Кинг Вилор говорил мне, что завлечет режиссера Джорджио Кьюкуру, который, в силу своей гомосексуальности, всегда оставался равнодушным к прелесть исполнителю главных ролей. Он не терпел выдержку и самообладание. Сам же Вилор настолько увлекся многими игравшими в его фильмах актрисами, что ему приходилось бороться с мужским инстинктом, чтобы не отвлечься от работы и не идти на уступки актрисам, которые при помощи разных обольстительных приемов добивались от него того, чего хотели, — часто в ущерб фильму, а иногда и самим себе.

Я же обычно настолько поглощен работой, что по большей части почти ничего не замечаю — даже когда мои актрисы играют чуть ли не нагишом. Почти не замечаю.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Я испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Испытал страшный стыд. Что ж, такова цена. Мы так и не разбогатели и не приобрели новых драгоценностей.

«Федерико и Джульетта» — ныне это говорят с такой же интонацией, как «Ромео и Джульетта». А все обиды, разногласия, размолвки — их как бы и вовсе не было. Интересно, какими стали бы Ромео и Джульетта, доведись им дожить до золотой свадьбы? Ведь когда они встретились и полюбили друг друга, они купит себе новые.

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
Общая газета. Параллельно допускается
по согласованию с редакцией
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЫКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-26-06, e-mail: lov@og.ru
Отдел региональных проектов:
Тел.: 915-78-50, e-mail: deeva@og.ru
Отдел развития: Зоя ВОЛКОВЕЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Верстка компьютерного центра
«Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
П.Р. Связь с автором, а также в редакцию
присылаются фотоматериалы, аудио-
и видеоматериалы, материалы
публикации в которых осуществляется
за подпиской редакционной печати

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 215272 экз. (региональный — 152000 экз.)
Цена свободная
Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербургском метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса»
125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24

Номер подписки в печать 20.02.2002 г.
Заказ 473. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Егор ЯКОВЛЕВ — главный редактор, Юрий СОЛОМОНОВ — первый заместитель главного редактора, Анатолий КОСТИКОВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ — заместители главного редактора, Елена РЫМКО — заместитель главного редактора, директор по развитию.
Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Наталья КЛОСЧО, Игорь НАЙДЕНОВ, Юрий ПАТРИН, Мария СЕВЬЯ, Борис ЮАНОВ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректор).
Руководители направлений: Максим ГЛИКИН (политика), Елена КОКУРИНА (культура), Наталья КРАЙНОВА (спорт), Илья МЕДОВОЙ (информационное обеспечение), Ирина ПАНТЕЛЕЙ (город), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ-Петербург»), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Обозреватели: Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Юлия ИГНАТЬЕВА, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Вадим РЕЧКОВ, Юрий РОСТ, Александра САМАРИНА, Юна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Павел БЫКОВСКИЙ (Минск), Аркадий ВАКСБЕРГ (Париж), Наталья ГОЛИЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт), Елена ПАНОВА — финансовый директор, Елена БОГДАНОВА — помощник главного редактора.